

писал: «...описание простой смерти простого человека, *описывая из него*» (63, 282. Курсив мой. — О.С.). В теме смерти Толстой, «ясновидец плоти», по сравнению с Буниным, в гораздо большей степени является «ясновидцем духа». Но поскольку «плоть», т. е. внешняя оболочка жизни, для Бунина не вторична по отношению к ее внутреннему смыслу, а является манифестацией космической природы бытия, то можно сказать так: Толстого волнует духовный смысл смерти, Бунина — космический. Для Бунина редок принцип «описывая из него». Исключениями являются «крестьянские» рассказы «Веселый двор», «Худая трава» и особенно «Мухи», по духу и проблематике очень близкие Толстому. В рассказе «Мухи» парализованный крестьянин обретает радостную умиротворенность в том, что давит несметные мушинные рои. Возникает тот же вечный вопрос, что волновал и Толстого, размышляющего о загадках крестьянского характера: «Давит, мнет мушинные рои — и со спокойной таинственностью созидает в глубине своего существа какую-то страшную, а вместе с тем радостную мудрость... Мудрость ли это или же просто какой-то ясноокий идиотизм? Блаженство нищих духом или безразличие отчаяния? Ничего не понимаю...» (5, 152).

На этот вопрос нет ответа. Но несомненно, что в «яснооком идиотизме» заключена и величайшая мудрость: «И смерть то же самое. Кабы она уж правда была так страшна, никто и не умирал бы, никогда господь такой муки не допустил. Нет, это только мнение...» (5, 151). То, что бунинский крестьянин называет «мнением», — вариация известной мысли Эпикура: «Привыкай думать, что смерть для нас ничто: ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений... Стало быть, самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения: когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет».²⁷ Эта мысль в русскую культуру вошла с четверостишием Жуковского:

То сказано глупцом и принято глупцами,
Что будто смерть творит для нас ужасным свет!
Пока на свете *мы*, она еще не с нами;
Когда ж пришла *она*, то нас на свете нет.

«Мнение» — это восприятие смерти самим умирающим человеком. И сколь бы диким ни казалось его предсмертное времяпрепровождение, величайшая мудрость заключается в том, что это восприятие совсем иное, чем взгляд на умирание извне. Однако «Мухи» — это скорее заявка на такой подход к теме смерти, чем его реализация. Это объясняется тем, что жизнь для Бунина больше бытие, чем становление. Поэтому ослаблена идея *процесса*. Конец — и смерть в том числе — это не этап, к которому в своем естественном развитии подошла жизнь, а то, что обрушилось на жизнь внезапно, как «Копье Господне»: «...будь всегда готов к ней, — она и над тобой, и впереди, и вокруг... Копье Господне вечно поднято!» (4, 121). Это ощущение близко к ветхозаветной концепции неподвижного мира с катастрофическим концом.

Философское осмысление смерти у Бунина многогранно, и эмоциональный спектр, который она вызывает, чрезвычайно широк: от ужаса до страстного желания жить. Однако в способе изображения есть что-то постоянное. Не оно ли порождает впечатление, что Бунин, в духе культуры своего времени, эстетизирует смерть? Думается, источником этого является представление о *равноправии* жизни и смерти. Образ повышенной жизни создается совокуп-

²⁷ Цит. по: Рязанцев Сергей. Философия смерти. СПб., 1994. С. 7.